

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 35 (2522)

Воскресенье, 1 мая 1949 г.

Цена 40 коп.

СИЛЫ ТРУДА И МИРА НЕПОБЕДИМЫ!

Свежим первомайским утром, когда молчат заводские гудки, когда праздничная тишина нависает над полями, — этим утром ты думаешь о весне. О весне, уже зашедшей зеленую липкую почку на деревьях, о весне, тронувшей едва приметными веснушками лицо твоей подруги, о весне, взломавшей льды и очистившей русла рек, оживившей глаза, открывшей мечты, взволновавшей надежды. Времени смотра человеческих душ перед новым взлетом труда и побед, строительства, роста, создания и борьбы. Недаром Первое мая, по славному бою революционной традиции, — день смотра и солидарности сил трудящихся всего мира. Недаром вошли в историю борьбы русского рабочего класса первомайские дни — дни тайных массовых и бурных демонстраций, мощных стачек и революционных побед. Этот весенний праздник — праздник освобожденного труда — дорог сердцу советского человека.

С детских лет ты помнишь песню: «Славьте великое Первое мая, праздник труда и пахоты оков!» Здравствуй, праздник труда! Красные флаги свободно развеваются в нашем ясном весеннем небе. Красные флаги свободы поднимутся сегодня и там, где люди еще не обрели оковы, где еще не знают счастья освобожденного труда.

Здравствуй, весенний праздник! Мы выходим на Красную площадь. Мы думаем о мире и весне.

Нынешняя весна — весна борьбы за мир. Весь земной шар слышал этой весной голос Парижского конгресса. Горы писем и тысячи телеграмм с кратким адресом: «Париж, Конгрессу мира» — говорят о том, что правое дело борьбы за мир находит поддержку миллионов трудящихся. Тому, кто трудится, тому, кто создает, неавторитарна мысль о новой смертоносной рабительской войне. Тот, кто трудится, завывает об этом — о трибуны Парижа или с трибуны Праги, с трибуны заводского митинга или с семейным столом, — этот голос борьбы за мир можно звучит над землей. Французы, итальянцы, бельгийцы прислали на конгресс свои «караваны мира». Итальянцы бросили провозглашенным правителям резкий и ясный лозунг: «Войны нет сами!» Простые люди Америки ослепили Черчилля: «Мистер Черчилль, убирайтесь: мы не хотим войны!» Голос человеческой совести не умолкает: «Мы не хотим воевать против Советского Союза!» — вот что отвечает народ.

Мы, советские люди, сильны не одним оружием, хотя и оно проверено в недавних боях. В день Первого мая на Красной площади в Москве, на проспекте Рутовского в Тбилиси, в Ленинграде и Киеве пройдут воюки. Но это — только часть нашей силы, только доля нашего могущества, нашего арсенала борьбы за мир. Наша сила, наша непобедимость — в свободном социалистическом труде. Люди всего мира знают: нигде, никогда, никто не умел так трудиться, как трудятся советский народ.

Уверенной рукой управляет рабочий паровым молотом. Тяжелое, безощипное падает молот, расплющивая раскаленный металл. В кохольной кузнице веселый коваль наносит удар за ударом по красному, пылающему жаром куску железа. Один работает у огромной, сложной машины, другой действует молотом так, как действовал его отец и дед. Разница велика. Но есть у советского рабочего, у советского колхозника то общее, что отягчает его от всех рабочих и крестьян земного шара, — есть новое, неизведанное. Это новое — отношение к своему труду. Если бы мистер Кеннон взглянул в глаза рабочего нашего завода, в глаза колхозника, управляющего комбайном, — карьера мистера Кеннона была бы закончена. Этот глазатый атомной войны в одно мгновение пролезал бы свой неизбежный путь к смирительной рубашке. Он увидел бы воочию силу, которую нельзя победить. Ослепленный человек знает пугу свободы. Его глаза светятся счастливым светом уверенности и мужества. Он хозяин своей судьбы, хозяин своего труда, хозяин своей страны. Можно мечтать о завоевании рынков, — в вопле конюш, конюхи не могут мыслить иначе, в больше им мечтать не о чем. Но мечтать о победе над освобожденным народом? Мир знает, чем кончатся такие мечты.

Долгие века труд был проклятием для трудящихся. Современные хозяева Запады мечтают о возрождении рабства. Никто Мак-Вильямс написал книгу об американских фермерах. «Проблема фермерства», — пишет он. — возможно, будет разрешена быстрее, чем мы предполагаем, тем, что фермер исчезнет, а его место займет класс крестьянских». Усаианами Форда, Моргана, Дюпона подобный «путь развития» уже осуществляется для рабочих. — их стараются сделать механическими рабами, приладками конвейера, автоматами, производящими богатства для хозяев. Но, с точки зрения человечества, есть страна, где слово рабочий приобрело новый смысл, где оно означает — творец, создатель, свободный строитель свободного мира. Кузнец куёт свое счастье, а не свои цепи. Строитель возводит дворцы для себя, а не для того, кто завтра оставит его умирать с голода под открытым небом. И труд советских людей поистине творит чудеса — чудеса, о которых, к великому огорчению империалистических лихачей, знают простые люди всего мира.

Повторяю: народы отнюдь не забыты. Они помнят о том, как страдал великий русский народ, народ, который дал человечеству Рублева и Ломоносова, Рязанцева и Ползунова, Пушкина и Гоголя, Бе-

линского и Чернышевского, Чайковского и Репина, Тимирязева и Менделеева, Горького и Станиславского, Шооловского и Мичурина. Они помнят о том, какой была Россия три десятилетия тому назад — преданная правителями, проданная кушачами, ограбленная своими и чужими империалистами, угнетенная помещиками. — Россия отстала в технико-экономическом отношении, но Россия великая, ибо она, Россия, дала миру Ленина и Сталина, первая открыла людям путь к коммунизму.

И вот она раскинулась сегодня под майским солнцем — могучая, прекрасная, преобразованная Родина счастья. Свободный труд преобразил ее земли, ее города и села, ее народ. В великом союзе ведомых ею свободных республик нет никакого подобия Рокфеллеров и Вандербильтов. Кто не работает, тот не ест. Но тот, кто работает, тот видит и пожинает плоды своего труда. Труд становится творчеством. Многовековой разрыв между наукой и производством, между городом и деревней уничтожается в нашей стране. Человек Советской страны не знает неуверенности в завтрашнем дне. Будущее стоит перед нами в десах коммунистической стройки. Мы знаем, что возведет это здание. Мы знаем, что увидим его освобожденным от лесов. Мы строим этот дом для себя. Мы будем в нем жить. И поэтому строим расчетливо, с дальним прицелом — строим на века.

Для того чтобы понять, на сколько лет мы обогнали американское время, достаточно перелистать выпущенную недавно в Соединенных Штатах книгу Вильяма Фогта «Путь к спасению». Ее название знаменательно. Да, они ищут путь спасения, но не для народа, — для себя, для хозяев Уолл-стрит, для тех, кто владеет «секретом» атомной бомбы и наиболее усовершенствованной тюрьмой Синг-Синг.

Для тех, кто изобрел электрический стул (здесь приоритет их несомненен), для тех, кто и теперь изобретает способы усовершенствованной массовой казни для всего человечества. Ведь именно эта навязчивая идея преследует Фогта, человека из лажейской и палача, именующего себя ученым. Этот лажей войны, повторяя залы бредового, давно высмеянного учения скаредного поппа-мракобеса Мальтуса, стремится научно доказать необходимость массового истребления человечества. Именно в этом и заключается «путь спасения», настоятельно рекомендуемый Фогтом. Сей «ученый», вызывающий к войне, метавший о голоде, эпидемиях и смерти, видимо, считает, что народы мира тут не при чем: дескать, пусть они спокойно дождутся, пока рецепты Фогта осуществятся, пусть примут на веру слова о спасении через бактериологическую войну, через ограбление наций, через атомный разбой! Благо, и предисловие к книге Фогта написал Бернхард Барух, крупнейший монополист и виднейший атомщик! Впрочем, стоит ли говорить о народах мира? Даже собственному американскому народу Фогт сулит смерть и истребление. Один из разделов его книги так и называется: «Слишком много американцев». Он считает, что американцев на сорок миллионов больше, чем должно быть. Он открыто излагает свою мечту о Соединенных Штатах «с населением, численность которого составляла бы половину или одну треть нынешнего...» Он жаждет крови.

Хозяева американской жизни, не теряя времени даром, на деле доказывают свою солидарность с этим наемным убийцей. Они лишают работы, обрекают на голод и нищету тысячи трудящихся. За один только месяц — с декабря 1948 года по январь 1949 года — в Америке стало на 700.000 безработных больше. Это — официальные данные. Узав эту цифру, поистине поражаешься наглым цветным фотографиям ямарочного и глубоко безжалостного «американский образ жизни». Уж очень этот образ жизни напоминает образ смерти! Уж очень явостичны неопорные признаки начала нового кризиса. Синшповые тучи осенней грозы нависли над Соединенными Штатами.

А весна идет — ее светом наполнена наша жизнь. Из перечня Сталинских премий мы узнаем о новых и новых трудовых успехах наших людей. Академики, инженеры, рабочие, колхозники — все они об руку идут к одной великой цели, все они вносят свою щедрую лепту в дело строительства нового, счастливого мира. Каждый год приближает нас к коммунизму. Герой Социалистического Труда бригадир Николай Иванов с удивлением вспоминает: «Говорят, к началу первой пятилетки в стране почти не было тракторов. Трудно мне представить это — деревня без тракторов!» Но, удивляясь преобразению земли, сам Иванов уверенно заявляет: «Свой план лесопосадок, рассчитанный на пятнадцать лет, выполнен в десятилетие...» Стало привычным обгонять время, переключать планы, опровергать старые нормы.

Токарь Генрих Борткевич не только работал быстрее и лучше, чем того требовали планы. Он произвел целую революцию в скорости резанья металлов: переоборудовал станок, добился перехода на высокие скорости многих товарищей по цеху. Его достижение не осталось личным рекордом. Он ответил на сотни писем друзей токарей, пожелавших последовать его примеру, и передал им свой опыт. Он выезжал на заводы Ярославля, Щербавья, Москвы и показывал свой метод в действии. Он с гордостью убедился в том, что токари Быков, Афанасьев, Брейкин пошли еще дальше по его пути и оставили далеко позади достигнутые Борткевичем скорости резанья. Инженеры, ученые помога-

ли Борткевичу и его друзьям. Наука обращалась к практике, обогащалась ею и вновь опережала практику, развивая ее находки. Так крепнет, так становится всеведущим боевой союз ученого и рабочего. Так советские люди преодолевают время — сотни и тысячи работают уже в 1951 году!

Да и самая жизнь заводов: как она обновилась, как далеко шагнула вперед! Какой небывалой сплоченности достигли советские люди в борьбе за повышение производительности труда, в борьбе за экономию народных средств! Цехи наших передовых предприятий работают, как идеально слаженные механизмы: ни одна из 480 минут рабочего дня не пропадает даром. Но значит ли это, что рабочий становится автоматом, не успеваешь мыслить, не успеваешь творить? Кто рискнет сказать Генриху Борткевичу, что его труд лишен мысли, что его труд — это не настоящее творчество! Кстати, это слово не случайно появилось в лексиконе наших производственников. Один из них — начальник цеха завода «Балибр» Я. Осиас, рассказывая о том, как опытные рабочие передают свои знания молодым, пишет: «... наш цех напоминал собой учебный класс. В часы обеденного перерыва то тут, то там возникали творческие споры...» А начальник цеха завода «Светлана» М. Леонов продолжает эту мысль: «Мы поощряем удвоительство не только оттого, что показатели идут вверх, — пишет он. — Мы добиваемся создания таких условий, которые обеспечивали бы уверенный рост этих показателей в дальнейшем». Вот простые слова, которые говорят о великих делах, о подлинном приближении коммунизма, о том, что труд стал творчеством, стал главным содержанием жизни советского человека, нерушимой основой его счастья!

Во всех областях науки, техники, сельского хозяйства советские люди идут вперед. Исследования космических лучей и изучение биологии карпа, атома атома и открытие в области высокомолекулярных соединений, теория волн и создание новой самоходной сеносвязки, новые моторы и новые методы безостановочного перехода на серийное производство — чего только нет в перечне Сталинских премий 1948 года! Широким фронтом наступает труд. Могучий напор советского человека преобразует природу. И если на Западе машины попрежнему убивают людей, если, как считают сами американцы, каждый новый трактор разоряет одну фермерскую семью, то у нас каждое научное открытие, каждое усовершенствование, каждая новая машина несут людям счастье. Поколение сороковых годов, отстоявшее в жестоких боях свой труд — дело чести, дело славы, дело доблести и героизма, продолжает великое соревнование. И нет во всей нашей необъятной стране такого отдаленного села, куда не проникло бы новое, где каждый день не был бы поистине новым днем.

Эта весна — первая весна массовой посадки лесов. Только между Камышином и Сталинградом будет высажено несколько десятков миллионов деревьев. Придет время — зеленые стены преградят путь пыльным ветрам, и люди забудут о засухе. На тысячи километров раскинется плодородная, богатая, отвоеванная у засухи земля. На ней заколосится небывалые хлеба. Тысячи озер заблестят под солнцем. Огромные стада разбредутся по пастбищам. Мы знаем: это будет, наши мечты осуществятся.

Мечты советских людей сбываются неизбежно. Иначе и быть не может: ведь это мечты народа, осуществлявшегося идей большевизма, народа, нашедшего верный путь к счастью. Да, у нас почти не было тракторов еще двадцать лет назад, а сейчас нет такого района, где бы не было МТС. Да, у нас не было тяжелой индустрии, а сейчас мы являемся передовой индустрией мира. Да, мы пережили трудные годы, а сейчас живем лучше всех народов мира. Это — факты. Они обещают исполнение желаний, воплощение наших планов. Поручай тому — наша партия, наш Сталин.

Лучший поэт нашей эпохи Владимир Маяковский безошибочно назвал нашу Родину весной человечества. Мы славим нашу великую державу, славим весну человечества, рожденную в трудах и в бою. В день Первого мая мы уверенно смотрим вперед. Люди труда, мы с негодованием разоблачаем пронырщиков поджигателей новой войны. С чувством глубокой дружбы мы говорим простым людям мира: — Знайте, будущее за нами! Мы знаем, что нам верит. Солдатской кровью и трудовой победой мы спасли мир от гитлеризма. Мы заняты мирным трудом. Мы не оныосяваем землю цепью военных баз, не вовлекаем в кабалу народы. И потому мы твердо убеждены: простые люди всего мира с нами. Народы Америки и Англии поверят нам, а не черталам и канюхам. Народы разберутся в том, кто грозит человечеству новой войной и новой вспышкой фашизма.

Весь мир читает наши книги. По всей земле смотрят наши фильмы. В этих книгах, в этих фильмах, в спектаклях наших театров, в картинах наших художников, в песнях наших композиторов всякий почувствует глубокую жажду мира во всем мире, любовное уважение к мирному труду. Среди нас не найдется ни Фогта, ни Сартра. Мы верны своему народу, а народ наш верен делу мира. Пусть же пол ярким солнцем этой весны все простые люди мира, все люди честного труда увидят простую и честную правду нашего века. Пусть пополниются и крепнут ряды противников войны. Пусть цветет трудовая весна человечества — наша Родина, наш великий Союз!

Анатолий СУРОВ

Анатолий СОФРОНОВ С НАМИ СТАЛИН

Прометы солнцем майские просторы,
Сады застыли в дымке голубой;
Поля родные, степи, косогоры
И тополя над тихой рекой.

Земля моя, страна моя родная,
Заводов бесконечных череда,
Над ними песню славы подымает
Наш современник, человек труда.

Кипит чугун, разбрасывая пламя,
Гудит в ковах kloчущая сталь,
Восход горит, багряный, словно знамя,
И озаряет перед нами даль.

Идут в цехах герои пятилетки,
Тула, где гром железной полосы,
И в нем сады протягивают ветки,
Чуть влажные от утренней росы.

Так день встает, прекрасный день от-
чизны,
Исполненный высокой красоты;
Все ближе к нам высоты коммунизма,
Вершины человеческой мечты.

Маргарита АЛИГЕР НАЧАЛО ГОРЯЧИХ РАБОТ

Опять хорошеет природа,
готовит весенний парад,
Весна, словно воля народа,
в движении не знает преград.
И где-нибудь в курском колхозе
начало горячих работ;
на солнышко вырвалась озямь
и с каждой минутой растет.

Александр ЖАРОВ ЗА МИР!

Цвети, Первомай!
Призывай и наставляй
На том, чтоб теснее — вблизи и вдаль —
Сплотились земли трудовые хозяева,
Застытники мира и правды земли.

Крепи, Первомай,
Боевое содружество
Народов великих и малых держав,
И силу, и разум, и волю, и мужество
Всех честных людей воедино собрав!

Разведем фашистскую проповедь лживую
О том, что народам на пользу раздор...
В безумной погоне за новой наживной
Гнездо людоедов
Несет этот вздор.

И с нами Сталин! Он ведет народы
По новым, неизведанным путем,
Поборник мира, первый друг свободы,
Победу он указывает нам.

И нет такой другой любви на свете,
Какою любит Сталина народ,
К нему цветы протягивают дети,
За ним все в мире лучше идет.

И нет такой другой надежды в мире,
С какой сравнить нам Сталина в Кремле,
От слов его — дороги наши шире,
От дум его — светлеет на земле.

Все слито в нем — победы и свершенья,
И юности заветные мечты,
Народные заботы и решенья
И коммунизма ясные черты.

За Сталиным идут народы следом,
Его дорогой — выше и вперед!
И неразрывны Сталин и победа,
Как неразрывны Сталин и народ!

Николай ГРИБАЧЕВ

ПОЖЕЛАНИЕ

Май — первых трав и гроз начало
и чувства первого пора
затем, чтобы оно звучало,
как голос дружбы и добра;
май — это взлет мечты крылатой
и пробуждение новых сил,
чтоб их избыток был отродой
и счастье людям приносило.

И потому всем, всем, с кем вместе
мир изменить и познать,
мне хочется хорошей песни,
любви и счастья пожелать,
успеха в каждом деле честном,
согретом помыслom живым,
всем неизвестным и известным,
прославленным и рядовым!

Пусть в жизни каждому по праву
за смеелье его дела
сопутствует людская слава
и сталинская похвала!

Ахмед ЕРИКЕЕВ

Народу русскому привет!

Народу русскому привет
и наша братская любовь,
Для нас один сияет свет,
В сердцах одна и та же кровь.

И с русскими в одном строю,
К одной звезде, одним путем,
Всегда — в работе и в бою —
Мы, братья младшие, идем.

Всегда помочь нам русский рад —
И в дни труда, и в ратный час;
Он руку подаст нам, как брат,
И ва околом вывел нас.

И в целом свете силы нет,
Чтоб наш разрушил общий дом.
Дорогой славы и побед
Мы вместе с русскими идем.

Одной звезде, одним высот,
Одной судьбы нам светит свет,
Пусть песня лучшая несет
Народу русскому привет!

Перевел с татарского Павел ШУБИИ

Праздник Первого мая в Советской стране — это взволнованные и веселые голоса дружбы, торжественная песнь братских народов, совместно строящих великую новую жизнь, новое, первобытное, до сих пор, вдохновенная песнь людей, идущих к коммунизму. Сколько в этой песне веры в будущее, сколько любви к настоящему, какая уверенность в своих силах, какой пламенный советский патриотизм!

Отчизна наша многонациональна, и чудесна песнь дружбы, которую мы теперь с вами слышим отовсюду и всюду — в России, на Украине, в Казахстане, в Грузии, в Армении, в Латвии, в каждой республике нашей.

Если мы хоть на минуту вспомним наше прошлое, — предположим, лет тридцать пять назад, — мы увидим картины, которые ныне нашему советскому человеку кажутся и неслыханными и странными. Нарзам и буржуазия, все «сильные мира сего», выражались по тогдашнему, усерднейшим образом и различными способами: натравливали русских на украинцев, которых, в свою очередь, натравливали на евреев или белорусов, грузин на армян, а армян на азербайджанцев, казахов на узбеков, а узбеков на туркмен, словом, всячески пытались разжечь ненависть и презрение народов нашей страны друг к другу.

Народы нашей Родины никогда не враждовали между собой. Лучшие их представители всегда высоко ценили великую русскую культуру и учились у нее. Наши народы, ведомые партией Ленина—Сталина, пришли к Великой Октябрьской революции единым сердцем, единственною победою от тех людей, от той эксплуатации и издевательств, которым подвергались в условиях парского строя. Советский общественный строй на первичную высоту вознес алое знамя победы и распрямил славу нашей Родины до безграничности!

Октябрьская революция принесла народам страны нашей взаимопонимание и дружбу, еще более приблизила их к передовой культуре русского народа, как наиболее передового, наиболее ученного, наиболее революционного среди всех народов мира, а стало быть, лучше всех понимающего задачи, которые стоят перед человечеством в области социального и культурного строительства, в области коренной перестройки жизни общества.

Народы Советского Союза страстно любят Россию и русских, так же, как и русские страстно любят своих братьев по труду и по оружию, по культуре, по искусству, по всему тому, что помогает завоевывать жизнь и счастье!

Так, для пути дружбы, вышли мы на путь победы и полного торжества, полного единения — весны человечества, той весны, которую мы особенно ощущаем Первого мая.

Передо мной несколько книг, замечательно рассказывающих об этих путях дружбы, приведших нас к пути славы и победы. Разумеется, это не все книги на эту тему, да я бы, подлазил, и не смог охватить и даже просто перечислить все книги, которые написаны на эту тему. Я просто беру несколько книг, вышедших в прошлом году, которые с большой силой говорят нам о дружбе народов, о сталинской дружбе людей, совместно строящих новое общество и совместно защищающих его. Эти книги с громадной страстью говорят о любви народов к русскому народу и к такой же страстью и любовью рассказывают о любви русского народа ко всем советским народам!

В романе Анны Саксе «В гору», превосходном романе, есть замечательные строки, очень сильно передающие эту любовь к русской культуре, к Октябрю, к партии Ленина—Сталина, ведущей народы нашей страны от победы к победе.

Мирдза Озид вступает в ряды Ленинского комсомола. А он получает комсомольский билет. И вот — ее думы; думы девушки из Латвии, думы всего латвийского народа:

«Горящими глазами Мирдза смотрела на божество Ленина, восхищаясь его широким охватывающим лбом и острым взглядом. Он нашел отставку, вступил в борьбу за новый невдалитный строй, увлек за собой миллионы людей, справился с бесчисленными врагами. А я... — Взгляд ее остановился на портрете Сталина, великого государственного деятеля, мудрого руководителя великих боев. — Ты остался тверд духом в тяжелые дни, когда вооруженные до зубов немцы через бинашки смотрели на звезды твоего Кремля! — Б сердце Мирдзы прилила горячая волна. — Ты нашел слова, вселенные силу и уверенность в миллионы, и с боями повел их к вражеским границам. Сколько почтой ты спал, думая о том, с какой надеждой ждем мы твоей помощи, ты — приданные фашистской неволе. Как мне благодарить тебя, вернувшего мне свободу, жизнь, молодость!»

И рядом с романом латвийской писательницы Анны Саксе — произведение другого писателя, с не меньшей силой выражающего азветные чаяния и мысли своего народа. Это — великолепная поэма азербайджанца Мамеда Рагима «Н д Ленинградом». Как и Мирдза Озид, героиня поэмы думает о том, что:

Вместе с нею в этот грозный час, На своем посту великий Сталин Утомленным не смыкает глаз. — День и ночь для нас кует победу

Мудрый полководец и отец, — Говорил девушка-боец, В темноте с собой веда беседа. — «Он лелеет каждого бойца, Он оберегает наше счастье, Согрывает в стужу и в ненастье, Наполняет мужеством сердца. Он теперь стоит со мною рядом, Согрывает душу отчим взглядом, Ободряет ласково меня».

Азербайджанский поэт пишет о Ленинграде как о своем любимом городе, так же, как пишет он о Баку. Прочтите удивительные строки: «...В окне, прорубленном еще Петром, горел неугаемый свет России...», или превосходное описание спектакля «Евгений Онегин» в голодном, блокированном Ленинграде, или вдохновенные строки, рассказывающие о спасении летчика Алексея другом его Гусейном.

Среди книг, очень хороших, есть роман казахского писателя Сабита Мухажова «Сыр-Дарья». Роман написан писателем, прекрасно знающим Казахстан, горячо любящим свою Родину. Речь его романа блещет казахскими пословицами, преданиями, героизм его нарисованы с той широтой воображения, которая так развита у казахов.

В этом романе есть, во-первых, чудесно и любовно написанная фигура русского инженера Анатолия Ковальевича Полевого. А, во-вторых — прекрасная глава, которой бы место, по моему, во всех хрестоматиях, глава о том, как казахи-комсомольцы, строящие гигантскую плотину на Сыр-Дарье, изучают русский язык и, в частности, читают с этой целью «Войну и мир». В главе много настоящего, много юмора, много любви к замечательной казахской молодежи и много подлинной любви к русской литературе.

Читают комсомольцы долго, по ночам, после трудной работы, — и тем не менее оторваться не могут! Хочется знать больше, хочется глубже погрузиться в эту великую эпопею, ставшую такой близкой и родной. Я не имею возможности, из-за недостатка места, привести вам целиком эту главу. Но вот несколько строк, они ярко и выразительно передают настроение комсомольцев в комнате, — на берегу бурной Аму-Дарьи.

«... чтение затянулось. Все слушали с большим вниманием, и когда Балакай прочитал: «Князь Андрей в числе других безнадежно раненных был слан на попоченные жители», — и закрыл книжку, в комнате наступило молчание. Захваченные событиями, вложенными в романе, слушатели долго молчали».

Первым прервал молчание сам Балакай. — Ну, хвяти, товарищи! Расходиться пора! Что же, умирать и нам из-за того, что этот князь умер?

— Да он не умер, — ответил ему. — Вот дойдем до второго тома, и он возвратится домой.

— Как же так? — Как же так? — Рассказчик открыл было рот.

— Ну, нет, так не годится, — вдруг решительно встала Айбар. — Никаких пересказов, товарищи. Читать так читать. Давайте решим: будем расходиться или посидим еще немного?»

В романе киргизского писателя Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней», посвященном жизни колхоза, замечательно поочередно, с истинной любовью и уважением описывается дружба киргизов и русских. Киргиз Шамбет и рядом с ним русский колхозник Дмитрий с женой Паледой Сергеевой; колхозный счетовод Элебес и кузнец Сергей — это действительно люди наших дней, люди борьбы, дружбы, настойчивости и непримиримой ненависти к врагу. 1941 год. Началась война. Общее настроение героев Т. Сыдыкбекова передается горячими и вдохновенными словами:

«В большие ворота нашей страны бешено доносится враг. Смерть стучит в дверь, рабство гремит цепями под нашим окном. Но несомненно отшатнута смерть, поднимается небо, словно гранитная скала. Люди наших дней — советские люди не для того годами добивались счастья, чтобы враг разбил это счастье, перекопал в зевыня озорной рабской пени. Так думают не только жители Кыргыста. В этой мысли живут и в степях Украины, откуда прорезала девушка Мыскал и осталась в памяти о себе хорошую песню; и в Грузии так думают, где горы не ниже, чем над озером Иссык-Куль; и братья кузнецов Сергея — народ большого и крепкого корня — носят в сердце ту же думу. Народы необятной страны встали под знамена чести. Стали в руках у них оружие, чем у врага. Мужество их неиссякаемо».

Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия поют о любви к русскому народу, породившему величайших гениев человечества, создавшему могучую и мудрую партию Ленина—Сталина; поют о любви ко всем народам Советского Союза, поют о совместном труде и дружбе.

Русские поэты и русские прозаики отвечают им. Книга русского поэта Н. Тихонова «Грузинская весна» говорит о глубокой любви русского народа к Грузии, к ее культуре, к ее искусству, к ее поэзии, к ее трудолюбивому и смелому грузинскому народу.

Народы сблизает пламя дружбы, огонь битвы за свободу, героизм труда, десня в дни празднества, та песня, которая поет победную славу коммунизму.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

«Огни коммунизма» — новая глава широко известного произведения лауреата Сталинской премии Аркадия Кулешова «Новое русло». Эта глава недавно написана автором для отдельного издания поэмы. В ней повествуется о том, как молодой строитель, амбицирующий смелый проект сооружения гидроэлектростанции на реке Петлянке, поднимает колхозников на борьбу с лавком, разразившимся после отъезда старого прораба Шайпака и его дочери Зоси.

Так, Уехала Зося. Покинула нас... Солнце скрылось за тучами В этот же час. Может, солнце с собою она увезла? Дождь все льется и льется, гущается мгла. Хлешет дождь, словно хочет потоком воды Смыть с тропинки исхоженных Зоси следы. Смыть следы возле хаты, с крыльца, со двора. День четвертый и пятый, словно впрямя из ведра, Льется дождь... Где дорогой, а где напрямик Я в тревоге к реке направляюсь бегом. Слышно мне, как с пригорков, шумливо струясь, В речку сносит ручья рыжеватую грязь. Речка, как по весне, разлилась, бурна, Пена мутная вьется издалека вьется. Залило я долину, и старую гать. Наша дамба сумеет ли натиск сдержать? А за дамбою наша плотина встает. Как ее защитить от бушующих вод? Я стою возле граба, следил за рекой. Тучи падали в заводь одна за другой.

Низвергалась в Петлянку ненастная мгла. Торопился назад я. Тревога росла. Оседла тревога коня за рекой, Разогнала с дорог тишину и покой. Людям в дщера стучала землянок и хат, Топоры раздавала и сотни лопат. И с людьми возвращалась к реке, сквозя гал, Обгоняя и ветер, и дождь, и ручья. А уж там, а уж с дамбы — Спешу, поспевай — На плотину хлестала Вода через край. Все туды наши буря В куски разнесет. Это видела люди. Так давила народ. Проносась через дамбу, Шумела река. Кто-то вымолвил: — Нам бы Сюда Шайпака, Он бы смог... — Те слова Заглушала вода, Что лилась через дамбу. — Его бы сюда... Люди — чувствую, вижу — Глядят на меня. Тут они — на войне. Тут команду — я. Командир — он бесстрашный в бою Человек. Командир — ни огня не боится, Ни рек. Командир — Он с опасностью спорит любовь. Прямо в воду Повел я людей за собой. Все с оружием в руках, как во время войны. Кто с далеких карьеров таскал валуны, Кто шалаживал доски, шалавки, щиты,

Александр ЯШИН

Как ни богат наш творческий материал, как ни много его, а все же до какой-то последней минуты не знает поэт, какими словами расскажет он об увиденном.

Делегация польских крестьян ходила по улицам украинских сел. Гости были неутраченными. Они перебрелись от хаты к хате, от амбара к амбару, любознательности их, казалось, не будет предела. То они шли к престарелым колхозникам, — а как обеспечивает стариков колхозный устав? — то заглядывали в кладовые, — много ли у колхозников пшеницы и сала, и кукурузы, и сахара, и меду... Они все опунывали своими руками, пробовали на вкус. Многие ходили с записными книжками.

Перед гостями распахивались все двери: смотрите, думайте, спрашивайте... Я ездила с польской делегацией по украинским колхозам и МТС, был с ними на большом заводе комбайнов «Коммунар» и на Днепровском имени Ленина, видел их на совещании переводчиков сельского хозяйства в Кивее, и в памяти все время возникал образ русского Никиты Моргунка, каковым мы его знаем и по жизни и по поэме Александра Твардовского. Бродил Никита Моргунко по стране в первые годы коллективизации, присматривался к жизни тогда молодых есе колхозов и думал-гадал, что лучше. Вероятно, некоторые из польских единичников в какой-то степени находятся сейчас в положении нашего Никиты Моргунка, какому тот был двадцать лет назад.

Весна идет, земля горит, — Решаться или как? И я радовалась: все, что гости видели в наших колхозах, было настолько убедительным и волнующим, что у любого Никиты Моргунка не должно было остаться никаких сомнений в правильности колхозного пути. Социализм предстал перед польскими крестьянами в образах живых людей, в их рассказах о своей работе, в липках, в жестах. Новая жизнь становилась понятной, зримой, ей хотелось подражать. И коммунизм уже не был чем-то далеким, недостижимым — приметы его были видны всем и всюду. Так и казалось, что слова заговорит Моргунко:

Посмотрите там, посмотрите тут, Что хочешь выбирай! Где люди веселее живут, Тот вроде лучше край... Кладет Никита на ладонь всю жизнь, тоску и боль... Не знаю, конь, Гадаю, конь: И нам решать, что ль?

С какой утонченной можно сравнить? Люди, еще не забывшие помещиков, только вчера ставшие свободными гражданами, хозяевами своей страны, эти люди встретились вдруг с осознанным и зримым социализмом!

Я видел эту встречу, и мне сразу стала ясной вся значительность и привлекательная повизна этой темы для советского поэта. И сразу встало на свое место все, что было увидено и почувствовано в нашей жизни за последние время...

За гостями на станции Тяпальне колхоз «Здуботок Жовтня» («Завоевание Октября») прислал четыре своих автомашин. Дорога шла по степным просторам. Фруктовый сад, раскинувшийся не на один десяток гектаров, молодые окученные посадки винограда (холомки эти издали напоминают крошечные бурдюки), кучи лавоза на полясах, посеви озимых и среди них рядами кукурузные стебли, предназначенные для снегозадержания, наконец, завидевшиеся дома нового села и долины вдали — все говорило о приближении к большому культурному хозяйству.

Низвергалась в Петлянку ненастная мгла. Торопился назад я. Тревога росла. Оседла тревога коня за рекой, Разогнала с дорог тишину и покой. Людям в дщера стучала землянок и хат, Топоры раздавала и сотни лопат. И с людьми возвращалась к реке, сквозя гал, Обгоняя и ветер, и дождь, и ручья. А уж там, а уж с дамбы — Спешу, поспевай — На плотину хлестала Вода через край. Все туды наши буря В куски разнесет. Это видела люди. Так давила народ. Проносась через дамбу, Шумела река. Кто-то вымолвил: — Нам бы Сюда Шайпака, Он бы смог... — Те слова Заглушала вода, Что лилась через дамбу. — Его бы сюда... Люди — чувствую, вижу — Глядят на меня. Тут они — на войне. Тут команду — я. Командир — он бесстрашный в бою Человек. Командир — ни огня не боится, Ни рек. Командир — Он с опасностью спорит любовь. Прямо в воду Повел я людей за собой. Все с оружием в руках, как во время войны. Кто с далеких карьеров таскал валуны, Кто шалаживал доски, шалавки, щиты,

Кто лозняк приносит, обрубая кусты. Не пускали мы воду к плотине своей, Кто камнями, кто сваяй, кто связкою ветвей. Первый натиск отбит... Но стихия жива, — Вновь в атаку пойдет Через час, Через два. Ни минуты покоя Не знает народ. Мы копаем канаву Плотине в обход, К руслу старому, Чтоб уходила туда От плотины Грохочущая вода. Враг опять начинает атаку... А тут С плачем, с криком Ребята к Петлянке бегут. Заливает в деревне Землянка вода. Все от вестя такой застало, — Беда! Гибнет скарб — он ведь нажит нелегким трудом, Погибает наш хлеб, под водою наш дом, Фотография те, что висят на стене, Смиет враг... Но ведь мы — на посту, на войне. И должны мы Порядок держать боевой. Не пойдём мы домой, Мы не кончили бой. День прошел. Продолжалась работа в ночь. Разожгли мы в ночи Смоляные корчи. Озаренные Ярким, трескучим костром, Мы следили во мраке За нашим врагом. И тревога от сердца Тогда отлегла, Когда бурная муть

Кто лозняк приносит, обрубая кусты. Не пускали мы воду к плотине своей, Кто камнями, кто сваяй, кто связкою ветвей. Первый натиск отбит... Но стихия жива, — Вновь в атаку пойдет Через час, Через два. Ни минуты покоя Не знает народ. Мы копаем канаву Плотине в обход, К руслу старому, Чтоб уходила туда От плотины Грохочущая вода. Враг опять начинает атаку... А тут С плачем, с криком Ребята к Петлянке бегут. Заливает в деревне Землянка вода. Все от вестя такой застало, — Беда! Гибнет скарб — он ведь нажит нелегким трудом, Погибает наш хлеб, под водою наш дом, Фотография те, что висят на стене, Смиет враг... Но ведь мы — на посту, на войне. И должны мы Порядок держать боевой. Не пойдём мы домой, Мы не кончили бой. День прошел. Продолжалась работа в ночь. Разожгли мы в ночи Смоляные корчи. Озаренные Ярким, трескучим костром, Мы следили во мраке За нашим врагом. И тревога от сердца Тогда отлегла, Когда бурная муть

Огни коммунизма

Кто лозняк приносит, обрубая кусты. Не пускали мы воду к плотине своей, Кто камнями, кто сваяй, кто связкою ветвей. Первый натиск отбит... Но стихия жива, — Вновь в атаку пойдет Через час, Через два. Ни минуты покоя Не знает народ. Мы копаем канаву Плотине в обход, К руслу старому, Чтоб уходила туда От плотины Грохочущая вода. Враг опять начинает атаку... А тут С плачем, с криком Ребята к Петлянке бегут. Заливает в деревне Землянка вода. Все от вестя такой застало, — Беда! Гибнет скарб — он ведь нажит нелегким трудом, Погибает наш хлеб, под водою наш дом, Фотография те, что висят на стене, Смиет враг... Но ведь мы — на посту, на войне. И должны мы Порядок держать боевой. Не пойдём мы домой, Мы не кончили бой. День прошел. Продолжалась работа в ночь. Разожгли мы в ночи Смоляные корчи. Озаренные Ярким, трескучим костром, Мы следили во мраке За нашим врагом. И тревога от сердца Тогда отлегла, Когда бурная муть

Кто лозняк приносит, обрубая кусты. Не пускали мы воду к плотине своей, Кто камнями, кто сваяй, кто связкою ветвей. Первый натиск отбит... Но стихия жива, — Вновь в атаку пойдет Через час, Через два. Ни минуты покоя Не знает народ. Мы копаем канаву Плотине в обход, К руслу старому, Чтоб уходила туда От плотины Грохочущая вода. Враг опять начинает атаку... А тут С плачем, с криком Ребята к Петлянке бегут. Заливает в деревне Землянка вода. Все от вестя такой застало, — Беда! Гибнет скарб — он ведь нажит нелегким трудом, Погибает наш хлеб, под водою наш дом, Фотография те, что висят на стене, Смиет враг... Но ведь мы — на посту, на войне. И должны мы Порядок держать боевой. Не пойдём мы домой, Мы не кончили бой. День прошел. Продолжалась работа в ночь. Разожгли мы в ночи Смоляные корчи. Озаренные Ярким, трескучим костром, Мы следили во мраке За нашим врагом. И тревога от сердца Тогда отлегла, Когда бурная муть

Кто лозняк приносит, обрубая кусты. Не пускали мы воду к плотине своей, Кто камнями, кто сваяй, кто связкою ветвей. Первый натиск отбит... Но стихия жива, — Вновь в атаку пойдет Через час, Через два. Ни минуты покоя Не знает народ. Мы копаем канаву Плотине в обход, К руслу старому, Чтоб уходила туда От плотины Грохочущая вода. Враг опять начинает атаку... А тут С плачем, с криком Ребята к Петлянке бегут. Заливает в деревне Землянка вода. Все от вестя такой застало, — Беда! Гибнет скарб — он ведь нажит нелегким трудом, Погибает наш хлеб, под водою наш дом, Фотография те, что висят на стене, Смиет враг... Но ведь мы — на посту, на войне. И должны мы Порядок держать боевой. Не пойдём мы домой, Мы не кончили бой. День прошел. Продолжалась работа в ночь. Разожгли мы в ночи Смоляные корчи. Озаренные Ярким, трескучим костром, Мы следили во мраке За нашим врагом. И тревога от сердца Тогда отлегла, Когда бурная муть

По укане ушла. Мы услышала шутки Вперые тогда. Усмехнулись впервые за сутки Труда. И пошел я, как пьяный, Знобил меня. Мокрый весь я под вербой прилеп у огня. Отдохнуть от тревог мог впервые я. На руках у бойцов след воды и земли. После боя домой они с песнями шли. И они на оружье своем унесли — На лопатах и на остриях топоров — Этой ночи огня, полыхавшие костров. Ведь победу они Одержали в борьбе, Новый, яркий огонь Добывав себе. И придут они ныне С добытым огнем Не в землянку сруую, А в новый свой дом. Тот желанный огонь С бою взяли они, Чтоб светил он из окон В грядущие дни, Чтоб гасил он лучину, сияя в ночи. На учебники сину бросаю лучи. Нет, не в жалких язычках, как прадеды их, Люди в сердце несут жар огня дорогих. Не себе лишь одним они свет принесли, А для жителей всей необятной земли. Погляди на их труд, на их руки взгляни... Они в сердце несут коммунизма огня.

По укане ушла. Мы услышала шутки Вперые тогда. Усмехнулись впервые за сутки Труда. И пошел я, как пьяный, Знобил меня. Мокрый весь я под вербой прилеп у огня. Отдохнуть от тревог мог впервые я. На руках у бойцов след воды и земли. После боя домой они с песнями шли. И они на оружье своем унесли — На лопатах и на остриях топоров — Этой ночи огня, полыхавшие костров. Ведь победу они Одержали в борьбе, Новый, яркий огонь Добывав себе. И придут они ныне С добытым огнем Не в землянку сруую, А в новый свой дом. Тот желанный огонь С бою взяли они, Чтоб светил он из окон В грядущие дни, Чтоб гасил он лучину, сияя в ночи. На учебники сину бросаю лучи. Нет, не в жалких язычках, как прадеды их, Люди в сердце несут жар огня дорогих. Не себе лишь одним они свет принесли, А для жителей всей необятной земли. Погляди на их труд, на их руки взгляни... Они в сердце несут коммунизма огня.

По укане ушла. Мы услышала шутки Вперые тогда. Усмехнулись впервые за сутки Труда. И пошел я, как пьяный, Знобил меня. Мокрый весь я под вербой прилеп у огня. Отдохнуть от тревог мог впервые я. На руках у бойцов след воды и земли. После боя домой они с песнями шли. И они на оружье своем унесли — На лопатах и на остриях топоров — Этой ночи огня, полыхавшие костров. Ведь победу они Одержали в борьбе, Новый, яркий огонь Добывав себе. И придут они ныне С добытым огнем Не в землянку сруую, А в новый свой дом. Тот желанный огонь С бою взяли они, Чтоб светил он из окон В грядущие дни, Чтоб гасил он лучину, сияя в ночи. На учебники сину бросаю лучи. Нет, не в жалких язычках, как прадеды их, Люди в сердце несут жар огня дорогих. Не себе лишь одним они свет принесли, А для жителей всей необятной земли. Погляди на их труд, на их руки взгляни... Они в сердце несут коммунизма огня.

Авторизованный перевод с белорусского Якова ХЕЛЕМСКОГО

НАУКА СЧАСТЬЯ

станция, механическая мастерская, клуб; есть стационарная звуковая киноустановка, библиотека; все колхозники вышивают газеты. Электричество не только помогло механизировать ряд производственных процессов, но и вошло в быт каждой семьи. В колхозе богатый машинный парк, шесть грузовых автомобилей, двадцать два электромотора, легковая машина, принадлежащая лично председателю колхоза Федору Ивановичу Дубковскому.

Стоит побеседовать «Москвич» в небольшом тесном гараже, похожем на теремок с резным петушком на крыше. В хате престарелых колхозников-пенсияров Антоны Давыдовича и Марии Кирилловны Бельских разговор зашел о том, как колхозы обеспечивают трудоспособных. Бельскими исполнялось уже по семьдесят лет.

— У меня дел сидит сторожем на гидроэлектростанции, зарабатывает пятьдесят трудодней, — рассказывает Мария Кирилловна. — Да и мне сто трудодней положили.

Она небольшого роста, в черном сатиновом сарафане и такой же кофточке, выглядит молодой молодежи своих лет, бойкая, видно, домохозяйка.

— У нас старые боится идти в колхозы! — сказал один из гостей.

— И у нас болясь! — признается Мария Кирилловна. — Мы с дедом были еще не стары, а тоже спонсачу побывались. Скажите всем, чтоб не болясь: и корова ест, и хлеб есть, и сало есть — всего имеем вдоволь.

Ходили гости на колхозный скотный двор, потрещивали и обхаживали коров, держались за их рога, пробовали парное молоко.

Польский крестьянин и плотник Петр Нахольчик в старшей мастерской колхозного столяра Никифора Леонова не удержался от того, чтобы взяться за рубанок. — Ах, уж я бы вам помог! — сказал он. — Что же, оставьте, в колхоз примем, — пошутит Леонов.

И тут, давайте лучше так договоримся: я буду у себя делать то, что вы здесь делаете. Дочь Петра Нахольчика, Ирина, прочитав о знаменитой украинской трактористке Паше Ангелиной, твердо решила, что она будет первой Пашей Ангелиной у себя на родине.

В правлении колхоза польские крестьяне ознакомились с производственным планом артели, со стенгазетой.

В каждом колхозе есть примечательные люди. В артели «Здуботок Жовтня» едва ли не самым примечательным человеком является сам голова колхоза Федор Иванович Дубковский.

городом и деревней, между трудом учебного и трудом крестьянина. Землю попомает, попомает стихи, — сказал об этом поэт.

Отец Яна Кулага, польский малоземельный крестьянин, всю свою жизнь не мог выжить из бедности. Его сын решил, что так жить дальше нельзя и отправился по свету искать счастья.

В 1928 году, четырнадцати лет от роду, не имея на руках никаких документов, Ян Кулага выехал во Францию. Но вскоре он должен был вернуться, что на Западе для простых людей, как он, счастья нет.

В то время немало поляков всех возрастов бродило по Франции в поисках работы. Они шли в шахтеры, в молотобойни, батрачки и помещиков.

Ян Кулага был принят на завод. Низкооплачиваемый труд подростков был выгоден для предпринимателей, и Ян в течение шести лет работал на заводе почти за кусок хлеба.

В эту пору он нередко думал о том, что не на Западе надо было идти за счастьем, а на Восток.

Путь рабочего человека, ищущего социальной справедливости на земле, привел Яна Кулагу в 1933 году в ряды Французской коммунистической партии. А в 1938 году он уже сражался с наступавшим фашизмом за республиканскую Испанию.

Затем, на несколько месяцев — жизнь во французском лагере для интернированных и снова работа у помещика. Двести семьдесят семейств батрачло на одного помещика, и рабочий день длился, как правило, не менее восемнадцати часов. Здесь Ян Кулага стал трактористом. Здесь он впервые понял, что могла бы сделать техника в сельском хозяйстве.

— Ах, уж я бы вам помог! — сказал он. — Что же, оставьте, в колхоз примем, — пошутит Леонов. И тут, давайте лучше так договоримся: я буду у себя делать то, что вы здесь делаете.

Дочь Петра Нахольчика, Ирина, прочитав о знаменитой украинской трактористке Паше Ангелиной, твердо решила, что она будет первой Пашей Ангелиной у себя на родине. В правлении колхоза польские крестьяне ознакомились с производственным планом артели, со стенгазетой.

В каждом колхозе есть примечательные люди. В артели «Здуботок Жовтня» едва ли не самым примечательным человеком является сам голова колхоза Федор Иванович Дубковский.

(шерстяная юбка, кофточка, фартук — все очень яркое), в расшитом платке на голове сидела она в президиуме на предвесеннем республиканском совещании передовиков сельского хозяйства Украины. И ничем бы не выделялась из среды украинских делегатов, если бы не напряженность и робость, которой, повидавшему, так и не смогла преодолеть она до конца совещания. В зале под лучами кинопржекторов сверкала столько золотых звезд, столько орденов и медалей. Рядом с нею, за одним столом, сидели государственные деятели и простой народ, и простые люди труда были государственными деятелями.

Она увидела, что в этом необыкновенном мире куда послала ее новая Польша, хлеборобы, доярки, свиноводы живут в почете и уважении. Она услышала, как академики Лысенко и Колесник уговаривались с колхозниками, тошо со старыми знакомыми и товарищами по работе, о том, что нужно сделать этой весной, чтобы наверняка взять от земли высокие урожаи.

А Мария Валас с семидесятилетнего возраста в течение двадцати лет батрачала на помещика в Лодзинском воеводстве. Замуж Мария вышла за батрака, и лишь ее также батрачли бы, если бы не новые демократические порядки, установленные после войны.

В год, когда Советская Армия освободила Польшу от фашизма, семья Валас, не мешкая до этого ни кола, ни дровя, получила семь гектаров помещичьей земли. Пятдесят две семьи расквартировались в помещичьем доме и, обзаведясь землей, решили хозяйствовать самостоятельно.

Валасы экономяли на еде, на всем, на чем могли, чтобы приобрести плуг, борону и другие сельскохозяйственные орудия. На три хозяйства была одна лошади. Машин липкаких.

И вот сама жизнь поставила перед ними вопрос о коллективной работе за полях.

— Только не пропустите бы ни слова! — шептала Мария, слушая выступавших на совещании. — И чтобы ничего не забыть. Здесь нужно учиться колхозной жизни!

Больше всего поражалась Валас тому, как свободно крестьянские женщины простые, как и она, выступают с речами, с докладями.

Поразило ее выступление звеневской Загали, которая в неурожайный год, чтобы выполнить свое обязательство перед товарищем Сталиным, посеяла лен вторично и сила за лето два урожая, второй больше первого; врезалась в память рассказ Елены Семеновны Хобты о том, как горька была для нее работа на помещика и как молодеет она нынче на колхозной работе.

— И я буду так же выступать, буду! — сказала тогда Валас, и это не было простым желанием, это было решеием, от каких не отступают.

Несколько дней спустя Мария Валас уже составляла рець для своих земляков обо всем вшитном на Украине и восточной части республики товарищ по делегации: «Правильно ли я задумала свое выступление?»

Делегаты польских крестьян занимали несколько долж справа. Им виден был весь зал, и они были видны всем. Одинаковые чувства обуревали и гостей и украинских хлеборобов, когда звучало имя товарища Сталина.

Отрывок из повести «Вернулся»

Бак-то между Казымовым и Славкой прошепел вечером такой разговор. — Ну, вот, брат, теперь и я четвертый получаю, — но без удовольствия сказал сталевар, сняв шинель и довольно потирая руки.

Новая повесть Б. Полевого посвящена роли социалистического соревнования в воспитании духовного облика советского рабочего, старинно грани между умственным и физическим трудом — одному из замечательных профессоров, проносивших сейчас в нашей стране.

радостным порывом, отарася из всех сил. Казымов ликовал. Эти минуты напоминали ему горячий момент танковой атаки, когда нужно было, применяя к местности, быстро и ловко маневрировать и в то же время не выпускать из поля зрения противника, вести по нему прицельный огонь и при всем этом помнить не только о своей боевой машине, но и о машинах своих подчиненных. Тут, у жаркой печи, где, точно малая каша, кипела и клокотала раскаленная сталь, Казымов снова переживал увлечение и радость боя, ощущение близкой опасности и волнующую веру в свое умение, в свое искусство победить. Лицо его, красное от жара, доспилось потом, горело возбужденной, почти хмельной радостью.

В день, когда весна неожиданно обрушила первый редкий и крупный дождь на почерневший снег, в жизни Пантелея Казымова произошло событие, которое он давно уже смутно предчувствовал и которое не могло не произойти. В любом деле, в любой профессии бывает так: человек копил навыки, вносил в них что-то новое, критически осмысливает свой труд, ищет, ставит опыты. Потом за какой-то невидимой чертой плоды долгих исканий сливаются воедино, превращаются в тот чудесный гармоничный ритм, который любую работу делает вдохновенным творчеством, совершенным мастерством, где точно, скрупуло, глубоко осмыслено каждое движение. И тогда душа человека наполняется творческим волнением, и, подвластный им, как на крыльях, он открывает в себе непознанные силы, совершает чудеса, удивляющие подчас не только окружающих, но и его самого. Так случилось с Казымовым в вечерний день, когда, идя на работу, он услышал в матовой голубизне неба такой не обычный здесь, над миром железа и стали, тонкий звон жаворонка, и ветер, вырывающийся из-за здания прокатного цеха, бросил ему в лицо щедрую пригоршню капель первого дождя.

Казымову подошел секретарь партийного бюро Зорин. Протянул другу шапиро, но тот их даже и не заметил... Зорин прищурившись на бушующее пламя, спрашивал о температуре, покаялся головой и тоже предостерег насчет свода. Плавка шла на максимальной черте, за которой была авария. Даже Зорин, всегда восторженно преклонявшийся перед технической смелостью, испугался за Казымова.

Нет, сталевар не забыл о печи! Он все помнил, все учитывал. В эти минуты высокого духовного подъема, сосредоточив все свое внимание на кипящей стали, он успевал думать и о жизни. Он знал, что сейчас рискнет и рискнет не только своей репутацией. Но как бывало уже не раз за последние годы, в трудные минуты перед его глазами вставал величайший из людей, таким в течение нескольких часов видел его Казымов на совещаниях сталеваров в Кремле. И сталевар мысленно спрашивал его совета: как же, как поступить? В черных глазах, мудрых, добрых и очень зорких, в улыбку, которая не выдалась, а скорее угадывалась под тяжелыми усами, он нашел ответ: «Держай!». Этот дорогой образ, вставший перед ним в ослепительном сверкании расплавленной стали, внушал Казымову уверенность и энергию.

Путем длительных и настойчивых исканий Казымов выработал свои приемы заправки печи. Приемы эти экономия не только времени, но и драгоценное тепло. Тревожа металл то заважничавшей машиной, то точно и искусно рассчитанными дозами ферросплавов, он энергично вмешивался в процесс плавления и тем самым сокращал время плавки. Словом, варка стали была для него теперь не просто оумной приборной работой с годами производственных навыков, как это было в предвоенное время, а делом, строго научной, технологической системой, построенной на свой лад, изученной и продуманной до мелочей.

Слышал ли ты, как деньги плачут, Как плачет доллар? Пожар В освобожденный Китай, — И ты поймешь, что это значит! Так просчитались торгаша, Вооружая Чан Кай-ши!

— Свод, свод не подпал! — терзали его за плечо Зорин. — Ничего, ничего, нехота, и кашу оварю и горшок цел будет! — весело ответил Казымов, не оглядываясь.

Не прошли даром ночи, проведенные над стенограммами технических лекций, над учебниками химии и металлургии. Зерна знаний падали на богатую почву огромного производственного опыта. Однажды, когда речь зашла о выплавке нового сорта высококачественной легированной стали для специальной цели, Казымов заговорил с цеховым технологом, сведущим и опытным инженером, в главный металлург, привлеченный ими в качестве арбитра, признал правоту сталевара.

— Остатки гвардии сталевар, разреши тебе доложить, что бригада готова к опыту. Быхных и слабых нет, шихта лежит в мульдях на стеллаже, как приказано, — выткнув руки по швам, весело отработал подручный.

Каждый театр определенное количество недель или месяцев в году проводит в поездках. Москвичи едут в Тбилиси, Киев или Ригу, киевляне в Москву, рижане в Ленинград, ленинградцы в Ереван или Алма-Ату.

Слова ими Казымова замелькала на страницах газет и в радиопередачах, снова портрет его высад в восстановленном заводском клубе рядом с портретом Володи Шумилова, и вместе с Володей они писали книжку об опыте скоростных плавок для московского завода.

— Воляно. Брюхо при рапорте подбуряет, — пошутил Казымов и подвинул к стеллажу.

И тоже много ездил и много видел. Это очень интересно не только потому, что встречаясь с новыми зрителями, но еще и потому, что вылишь всю страну. Видишь и в просторстве и во времени. Она непрерывно меняется. Если в городе не был год или два, — город становится неузнаваемым. Возникают заводы, набережные, мосты. Новые улицы растут в длину, старые в высоту.

И все же Казымов был недоволен собой. Не в том дело, что его бывший ученик продолжал идти вперед. Нет, просто чужие старого производственного подсказывали сталевару, что он взял еще далеко не все у своей чудесной печи, что есть еще уголки, куда не проник пылкий новаторский ум и где, как он предполагал, таились непознанные резервы производительности. Вот это-то и не давало ему покоя.

— Шихта была разогрета, как он с вечера приказал, кучками, ближе к завалке, — стружка с мелким железом и дальше — известия, еще дальше — крупный лом и прибыли. Как Казымов и предполагал, когда началась завалка, все это удалось заложить последовательно и быстро. Затем, пока шихта прогревалась, подготовили чушки чугуна и сразу же без задержки приступили к заправке откосов. Весь этот процесс, заранее до мелочей обдуманный Казымовым и тщательно подготовленный бригадой, они разыграли, как по нотам. Работали ловко, сыгранно, как футболисты хорошей команды на ответственном матче. Каждый делал свое и в то же время помогал товарищам.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке. Часы говорили, что за завалку они сэкономили сегодня около семидесяти минут. Казымов так и застыл со счастливой улыбкой на лице, держа в руке полный стакан. Вот они, непознанные резервы!

В результате всех этих работ, беспокончностей и исканий из глаз сталевара исчезли тоска и тревога, они частично загораживались теперь веселым озорным огоньком.

— Когда, отдав команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке. Часы говорили, что за завалку они сэкономили сегодня около семидесяти минут. Казымов так и застыл со счастливой улыбкой на лице, держа в руке полный стакан. Вот они, непознанные резервы!

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке. Часы говорили, что за завалку они сэкономили сегодня около семидесяти минут. Казымов так и застыл со счастливой улыбкой на лице, держа в руке полный стакан. Вот они, непознанные резервы!

— Наступает, гвардия? — смеялся Зорин, застав шихт Казымова в цехе в неподходящий час, наблюдающим за пелью, на которой работала чужая смена.

— Не подождет оводы? А? — прошептал ему на ухо подручный.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке. Часы говорили, что за завалку они сэкономили сегодня около семидесяти минут. Казымов так и застыл со счастливой улыбкой на лице, держа в руке полный стакан. Вот они, непознанные резервы!

Инженерами становятся на заводе. Вечером оживает вся сеть вечерних учебных заведений на Подольском механическом заводе имени Калинина.

Из окончивших семилетку многие решили получить среднее специальное образование. Его дает вечерний техникум, организованный в 1948 году. Среди 170 студентов преобладают рабочие с большим практическим стажем, есть и группа людей, занимающихся руководящими постами на производстве. Во втором курсе учится заместитель начальника одного из крупных цехов тов. Петров. В свое время он кон-

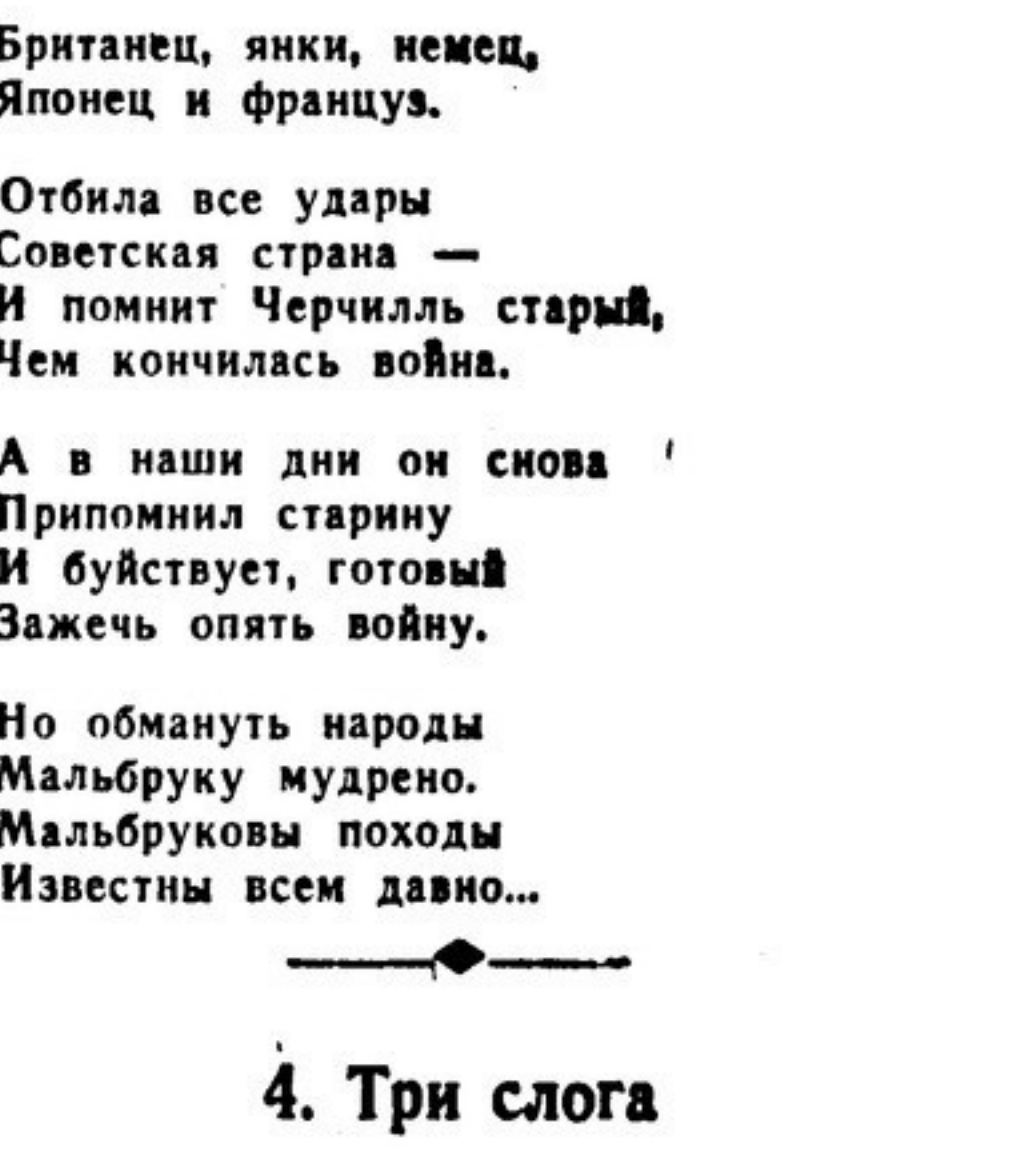
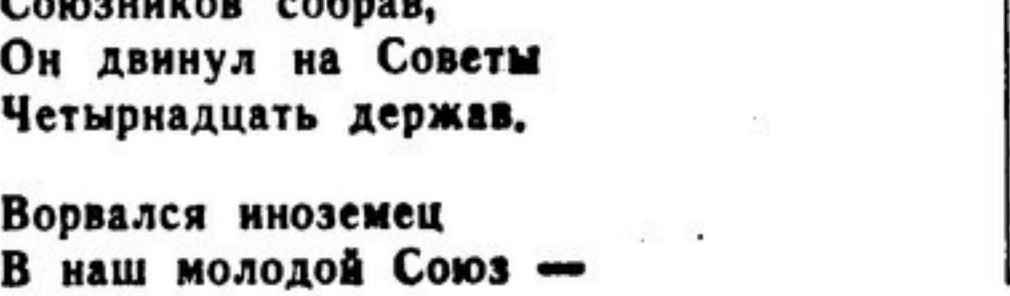
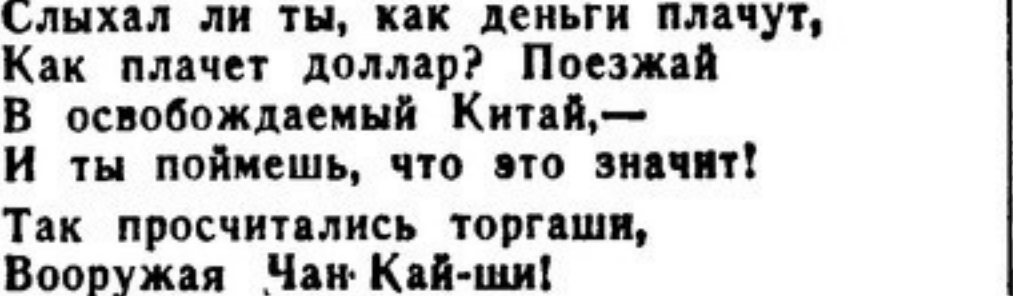
чил школу фабрично-заводского ученичества, потом много лет трудился на производстве, но не смог получить систематического образования. Теперь Петров — студент техникума. Здесь же учится конструктор тт. Моторнов и Коробков, технолог тов. Вузок.

1. Запрещенный Май Не желает Чаттер Ид Майских демонстраций И над Темзой не велит Ныне собираться. Подчинится ли народ Запрещенно, нет ли — Майский день на этот год Отменит Эттли.

3. Песня о Мальбруке Британец, янки, немец, Японец и француз. Отблал все удары Советская страна — И помнит Черчилль старым, Чем кончилась война.

2. Плачущий доллар Он в юности помыслил На бурскую войну И вскоре оказался У Крюгера в плену. С опущенным забралом Приехал он назад, И был он либералом Десаток лет подряд.

4. Три слога Вся землю прочит он себе, Другим — клочки одних: Из Бельгии он сделал «Бер», Из Нидерландов — «Ни». Из Люксембурга сделал «Люкс», Включив его в свой план. Чтобы устроить «Ку-клукс-клан» Из европейских стран!

Сергей ОБРАЗЦОВ **В ночь на Первое мая**

Каждый театр определенное количество недель или месяцев в году проводит в поездках. Москвичи едут в Тбилиси, Киев или Ригу, киевляне в Москву, рижане в Ленинград, ленинградцы в Ереван или Алма-Ату.

На следующий вечер, выходя из театра, мы увидели его на тротуаре. Он откровенно молчал. Оказывается — актер-баритон. Попросил разрешения проводить нас до дому.

Огромный металлургический завод бывший Шкода в городе Пльзень был во время войны разрушен на 40 процентов. Он полностью восстановлен, перестроен, пламя и накануне дня наших гастролей в этом городе получили за свою работу два штандарта — два переходящих знамени.

И тоже много ездил и много видел. Это очень интересно не только потому, что встречаясь с новыми зрителями, но еще и потому, что вылишь всю страну. Видишь и в просторстве и во времени. Она непрерывно меняется.

Начал с хвастовства. Много зарабатывает. Чем же? Вот уже два года поет по контракту в разных городах, в кино, между сеансами ежедневно шесть раз в день пролог к «Нащадк» за толевым занавесом.

Вероятно, это кому-то не нравится, тем более, что бомбы, разрушившие этот завод уже в конце войны, были не немецкого, а американского происхождения. Но завод работает и будет работать, увеличивая свою продукцию.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Дело не в том только, что каждый город встречал нас государственными флагами и гимнами, что толпы народа стояли на перроне.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Иногда отдал команду быстрее закрывать завалочные окна, Казымов отшел от печи, чтобы напиться, и взгляд его случайно упал на висящие посреди цеха электрические часы, стакан с газированной водой застыл у него в руке.

Страны народной демократии на путях к социализму

П. ЮДИН,

член-корреспондент Академии наук СССР

Особенность политической системы этих стран — замена милитаризма. Народ любит и горячо поддерживает свою армию, свою милицию.

Более сложной оказалась задача создания нового чиновничьего аппарата. В государственной структуре сохранилось некоторое количество старых чиновников, но в большинстве своем они являются реакционными агентами империалистического режима.

Государственная власть в странах народной демократии выполняет функции продиктаторской диктатуры, — она беспощадно подавляет сопротивление агентов империалистического режима, мечтающих при помощи англо-американских империалистов вновь захватить народы в оковы буржуазно-помещичьей диктатуры и империалистического рабства.

В настоящее время страны эти вступили в переходный период от капитализма к социализму. Здесь имеются и социалистический сектор (государственная промышленность, кооперация), и мелкотоварное хозяйство (в основном крестьянство, кустари), и буржуазный сектор (главным образом торговля, кустачество в деревне). Господствующее положение в экономике этих стран занимает общественный социалистический сектор.

В странах народной демократии заложен прочный экономический фундамент для строительства социализма, — все ведущие экономические и финансовые позиции, внешняя торговля и отоварная внутренняя торговля находятся в руках государства.

В странах народной демократии укрепился государственный строй, осуществляющий переход от капитализма к социализму, т. е. осуществляющий функции диктатуры пролетариата. Советская форма его представляет собой высшую и наиболее целесообразную форму политической власти рабочего класса.

В странах народной демократии осуществился переход от капитализма к социализму, т. е. осуществляющий функции диктатуры пролетариата. Советская форма его представляет собой высшую и наиболее целесообразную форму политической власти рабочего класса.

Каждая из стран народной демократии, в зависимости от исторических, экономических, национальных и других причин, имеет свои специфические особенности в строительстве социализма. Нельзя, например, с одной меркой подходить к процессам перехода к социализму в индустриальной Чехословакии и сельскохозяйственной Болгарии.

Народная власть в странах Центральной и Юго-Восточной Европы успешно справляется с национализацией промышленности, овладела управлением промышленностью, обеспечила господствующее положение со-

циалистического сектора. Теперь перед странами народной демократии стоит важная и сложная задача — заложить основы социализма в области сельского хозяйства, разрешить крестьянский вопрос, который, как известно, является самым трудным вопросом социалистической революции.

В результате аграрной реформы, проведенной в странах народной демократии, бедняки и середняки крестьянские хозяйства получили более 10 миллионов гектаров помещичьей земли. Трудно переоценить великое значение для этих стран аграрной реформы, ликвидировавшей помещичью и крупнокапиталистическую земельную эксплуатацию.

Националистические элементы в странах народной демократии, и в первую очередь японцы из клана Тито, пытались «доказать», что они открыли «новый путь» движения к социализму — без классовой борьбы, при сохранении частной собственности на землю.

Известная резолюция Информбюро коммунистических и рабочих партий о положении в югославской коммунистической партии разоблачила претельские реставраторские «теории» мирного вращающегося кулачества в социализм, показав, что эти «теории» похоронены из контрреволюционных, гитлеровских, троцкистских источников.

Класс Тито открыто перешел в лагерь врагов Советского Союза. Внутри страны она ведет линию на реставрацию капитализма, добиваясь превращения Югославии в обычную буржуазную республику, находящуюся под ярмом англо-американских империалистов.

Опыт построения социализма в СССР является величайшим завоеванием международного пролетариата. Советский Союз победоносно прошел путь от капитализма к социализму и вступил в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Опыт построения социализма в СССР является величайшим завоеванием международного пролетариата. Советский Союз победоносно прошел путь от капитализма к социализму и вступил в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Опыт перехода от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и первые серьезные победы, достигнутые на этом пути, показывают, что теперь строить и построить социализм в любой стране можно только на основе прочного союза с другими государствами, ставшими на путь социализма, только на основе прочного союза с великой социалистической державой — СССР.

Итак, неоспоримым фактом, имеющим всемирно-историческое значение, является то, что принципы социалистического общественного устройства и ведения хозяйства на плановых социалистических началах одерживают победу в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Проф. Го Мо-жо, руководитель китайской делегации на Всемирном конгрессе сторонников мира

Борьба за мир и события в Китае

После Бейпина и Тяньцзиня освобожден Нанкин. Наступает конец реакционного гоминдановского режима.

Поражение гоминдановской реакционной клики — серьезный удар по империалистическому империализму, чьи длинные дьявольские шпалы протягиваются во все углы мира.

После нападения японцев на Парл-Харбор США объявили войну Японии. Однако американская политика по отношению к Китаю осталась фактически неизменной и, следовательно, шла вразрез с волей китайского и американского народов.

После капитуляции Японии правительство США продолжало оказывать поддержку реакционерам гоминдана, посылая в Китай воинские части, расширяя свои военные базы.

Несмотря на всеоросную помощь, оказываемую Чан Кай-ши американским империализмом, китайская реакция все же потерпела жестокое поражение от национально-освободительного движения китайского народа.

Китайский народ смог одержать такие победы только благодаря тому, что он сплотил свои ряды под руководством коммунистической партии, самоотверженно служившей делу трудящихся масс.

ПРАГА, 28 апреля

В. БИЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

ПОЛИСМЕН И ЕГО ДУБИНКА

Для того чтобы получить наглядное представление о форме правления, существующей в той или иной стране, вовсе не обязательно быть политиком. Можно весьма явственно ощущать господствующий в стране строй и партийный в ней дух путем обычного знакомства с рядовым «бюстистелем порядка».

Мне довелось до Октябрьской революции быть матросом в английском торговом флоте и рабочим в США: я имел, следовательно, полную возможность наблюдать и «изучать» таким путем политическую и социальную обстановку во многих странах.

Внешне полисмен выглядит вполне культурно и демократично: у него нет сабли, одет он в мундир, напоминающий швейцарское платье, в руке у него только резиновая дубинка (револьвер спрятан под одеждой). В спокойной обстановке он виртуозно вертит, жонглирует, даже кокетничает этой дубинкой.

Он не жадничает до крови «подозреваемого». Нет! Он только наносит удар резной дубинкой по затылочной части головы. И все! Ни крови, ни синяков. Зато какой эффект! Получивший удар сразу лишается сопротивляемости и становится беспомощным, как новорожденный ребенок.

Не менее «демократично» обращение и в американском полицейском участке. Там вам предъявят счет: пять долларов за «доставку» в полицейской машине. Цифра солидная, если учесть, что поденная заработная плата чернорабочего составляет один доллар семидесяти центов.

Мне невольно приходит на ум: «Сколько же вы уважаете казенную работу вполне соответствующего своему назначению, тем более, что проводится она под руководством дубинки. В итоге, пока вы все расплачиваетесь, проходит такой длительный срок, что вы выходите на свободу легковесом (от весьма скромного питания), постаревшим, с одной только мыслью:

жить только при условии единства народа и решительной борьбы под руководством передовой части рабочего класса.

Китайский народ не «хочет войны, он стремится к миру. Нашим национальным лозунгом всегда был: «Мир нам дорог». Но империализм, угрожающий миру во всем мире, видит в колониальных и полуколониальных странах базу для своего обогащения.

С этой точки зрения легко понять связь между национально-освободительной борьбой китайского народа и укреплением мира во всем мире. Важнейшие колониальные и полуколониальные страны находятся в Азии. Освобождение китайского народа стало для всех народов этих стран сигналом к усилению национально-освободительного движения.

Победа китайского народа по своему значению — крупнейшее историческое событие. Мы должны приложить все усилия для расширения и укрепления нашей победы, должны пробудить весь Восток и все колонии во всем мире для уничтожения империалистической системы.

Силы народных масс во всем мире сейчас могут, как никогда. Народ находится в власти в Советском Союзе — великой стране, являющейся могучим оплотом мира. Уверенно идут по пути к социализму страны народной демократии.

Будем же усиленно бороться, работать, идти вперед!

ПРАГА, 28 апреля

Георг ЭМИН

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Я спрашиваю у земного шара: — Ты на войну согласен? — И в ответ Единым голосом, с единым жаром. Мильоны честных восклицают: нет!

Хозяинчал повсюду Уолл-стрит? — Мильоны рук слились в едином жесте, Один протест во всех сердцах горит.

А скольким людям статуя Свободы Своей рукою зажимает роты, Но мы жаждем мирные народы, Довольно с них войны и нищеты!

Вы слышите, как наводок бушует, — То воды мира, а не буря зла; Несет весну счастливую большую, Весенний ветер из страны тепла.

Растущей этой силе многоводной Прегрды и затворы не страшны, — Она растопит дел войны холодной, Зальет огонь несправедливой.

Май издавна стал праздником рабочих И вышел на световые пути. Коль дерево весны цветы захочет, Кто помешает дереву цвести!

Перевела с армянского Вера ЗВЯГИНЦЕВА

Поль ЭЛЮАР

То, что мне запретили сказать в Нью-Йорке

Помешав присланный нам известным французским прогрессивным поэтом Полем Элюаром текст его речи, которую он не смог произнести на нью-йоркском конгрессе в защиту мира, так как американские власти не разрешили ему везд в США.

Я приветствую вас, жаждущих мира, лучших из людей. Я приветствую вас, кто в простоте своего сердца, при своем свете своего разума отказывается видеть, как можно отдать предпочтительнее силам зла, преступления и самой грязной жадности жадности перед волей к прогрессу, братству, любви — волей большинства людей, простых и честных, как вы.

Я счастлив, что могу вас приветствовать, мои друзья, друзья всех миролюбивых людей, в этой великой стране, в которой стою многие видели свой идеал. Было время, когда слово «Америка» звучало ясно и чисто, и не хотелось бы, чтобы теперь оно превратилось в похоронный звон над разбитыми надеждами.

Мы слышали и запомнили раз и навсегда пророческие слова Уота Уитмена:

Я возмещая существа, которые возстанут, Я возмещая триумф справедливости, Я возмещая свободу и неограниченное равенство, Я возмещая победу душевной чистоты и благородства.

Мы вмешиваемся в то, что вас касается, а нас касается все, что связано со счастьем человека. Мы не хотим, как сказал Ролан, «чтобы несколько тысяч привилегированных, принадлежащих к какой-либо касте или расе, чтобы вельможи, высоски, юнкеры, шахоладельцы, спекулятивные тресты, армейские поставщики, самодержцы финансового и промышленного мира могли ради своих грязных планов играть на добрых и злых инстинктах человечества».

Что касается меня, то я — поэт, поскольку я солидарен с угнетенными, поскольку я возмущаюсь до глубины души, поскольку я возмущаюсь до глубины души, поскольку я возмущаюсь до глубины души, поскольку я возмущаюсь до глубины души.

Поэты говорят, что человечеству будет угрожать опасность, пока оно не объединится. Эта мысль всецело мной выдвигается, ибо она хорошо знает тайны человеческого сердца и тех, кому легко дается переход от «я» к «мы».

Позже говорят, что человечеству будет угрожать опасность, пока оно не объединится. Эта мысль всецело мной выдвигается, ибо она хорошо знает тайны человеческого сердца и тех, кому легко дается переход от «я» к «мы».

Назовите мне великого поэта, который не говорил правды в отношении себя или других. Докажите мне, что Гомер или Данте, Шекспир или Пушкин, Гете или Шелли, Уитмен или Рембо, Маяковский или Лорка когда-либо не были правды.

Помните, мои друзья, что с тех пор как существует мир, бесчестные люди, уже будучи мертвыми, продолжают вставать против смерти.

Помните, мои друзья, что с тех пор как существует мир, бесчестные люди, уже будучи мертвыми, продолжают вставать против смерти.

Линкольн сказал: «Никто не вправе расприжаться другим человеком без его согласия». В этом ключ к грядущему счастью. Люди хотят сами распоряжаться своей судьбой и не хотят подчиняться силам зла. Там, где они попятываются только голосу своей совести, — зло уже отступает перед добром.

Так будем же бороться!

ПАРИЖ

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТЯН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.